

Анатолий Агарков

Камо грядеши

Анатолий Агарков

Камо грядеши

«Издательские решения»

Агарков А.

Камо грядеши / А. Агарков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904889-9

80-е годы прошлого столетия. Станкостроительный завод. Выпускник политехнического института работает сменным мастером. На работе штурмовщина, жена уходит, рушится семья. Какую из проблем решать?

ISBN 978-5-44-904889-9

© Агарков А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Камо грядеши

Анатолий Агарков

*Апостол лежал на земле, лицом в пыли, недвижим и нем.
Назарий испугался, что он в обмороке или умер, но вот,
наконец, Петр встал, дрожащими руками поднял
страннический посох и, ни слова не говоря,
повернул к семи холмам города.*

Видя это, юноша повторил как эхо:

– Quo vadis, Domine?

– В Рим – тихо отвечал апостол».

/«Камо грядеши» Г. Сенкевич/

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-4889-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Итак, я остался один – жена где-то в общаге ДПА приютилась нелегально, сын у ее родителей. Распалась семья – бывшая дружная ячейка общества.

Причина? Любовь прошла....

Безусловно, любовь – это духовная субстанция, но брак и дорога к нему – это трудная и кропотливая работа: психологическая, моральная, эмоциональная. Почему-то, прежде чем поступить в институт, надо готовиться, сдавать экзамены....

Мы не готовились, не сдавали – познакомились, переспали, пошли и подали заявления в ЗАГС, ничтоже сумняшеся: либо нам повезет, либо набьем шишки, которые пригодятся. И в результате – вылетели из ВУЗа семейной жизни с первого курса. Теперь я один в большой комнате ИТР-вского общежития «Станкомаша», прохожу терапию – каково это: дорожить кем-то настолько, что утрата невыносима. Так одиноко, что луна за окном кажется милой подружкой.

Обидно, досадно, и что же делать?

Успокоиться, поразмыслив, сделать работу над ошибками – почему не заладилось? Найти причины в себе, исправить и попробовать с другой избранницей основать прочный и счастливый союз. Только куда девать сына – забыть, вычеркнуть из своей жизни, отгородиться алиментами?

Нет, не сумею....

В этом мире так трудно отыскать любовь, найти человека, который придаст смысл твоему существованию, и сын мой, пожалуй, есть чистейший образец такой любви. Ребенок – это любовь, которую не нужно искать, которой ничего не надо доказывать, которую не нужно стремиться удержать. Она есть и будет всегда!

Но если он будет всегда в душе, то будет ли счастье в новой семье? И о каком прочном и счастливом союзе может идти речь, если этот крохотный человечек будет занимать место в моем сердце и жизни? Мало того, что мы с ним несчастны – несчастны будут еще две женщины: его мама и моя новая жена.

Есть другой вариант: ждать – ведь мы еще не разведены.

Когда один из двоих предает любовь, надо, чтобы другой продолжал хранить верность и веру. Несмотря ни на что. Если кто-то один ждет, то второму есть куда вернуться. А если и другой, из самолюбия, станет жечь за собой мосты, то уже не будет пути назад. Что напрягает? Уязвленное самолюбие. Что такое самолюбие? Дословно – любить себя. А надо любить вторую свою половину. Надо иметь души поболее – быть великодушным.

Нет, все верно. Живу непрерывным ожиданием. Потому что та, с кем было так хорошо, не может не вернуться. Ведь так, как она любила меня, она больше никого не сможет любить – не выйдет, не хватит сил. Просто она этого еще не понимает. Ей нужно совсем чуть-чуть на то, чтобы вспомнить меня – выскочить из такси, выбежать из дома, сорваться с вечеринки, убежать от друзей и... вернуться. Она же знает, что я ее жду – каждый день, каждый час, каждую минуту. Честно говоря, больше ничем и не занимаюсь.

Хотя....

Через дорогу от моего жилья в подвальном помещении индустриального техникума был небольшой спортивный зал. Днем здесь студенты занимались в секции тяжелой атлетики. Вечером приходили мужики, работники «Станкомаша», качались на снарядах, гремели блинами штанг, гантелями, гириями – растили бицепсы, трицепсы и прочие достоинства мужского тела. А я еще прятался от друзей и знакомых, желающих поддержать меня в тяжелый период, а заодно «раздавить» пузырек после работы.

Ковбои скачут – скрываются индейцы!

С утра в цех, вечером в спортзал, в выходные к сыну – такой распорядок установил. Быт обустроил – в комнате чистота и флотский порядок. Одна засада – неожиданно для себя обнаружил, что совершенно не умею готовить: индюшка сама себя зажарит лучше. Причем тут индюшка? Так время такое – все по талонам. Придешь в магазин за колбасою, а тебе подарок из Аргентины – индейская курица в целлофане.

Однажды рискнул – сунул в кастрюлю, водой залил, поставил на медленный огонь и утопал в спортзал. Когда вернулся, приподнял крышку – мама дорогая! – лапша домашняя со всеми приправами. Наверное, в брюхе индейкином специи были. Додумались! Живут же люди – я прямо таки зауважал капиталистов.

Когда вахтерша общежития тайну раскрыла, снова разуважал. Соседки в кастрюлю мою заглянули – и ну хохотать! Из нутра большой курицы накипью всплыли потроха в целлофане. Нахотавшись, стимурничали – сварили лапшу мне домашнюю из индейки, как того требуют правила кулинарии.

Я отмолчался – не благодарил и не ворчал за непрошенные вмешательства в холостяцкую жизнь, а когда было из чего готовить, выставлял в кастрюле или жаровне на плиту общей кухни, уходил в спортзал и возвращался к прекрасному ужину. Впрочем, соседки возмещали свои затраты на меня в семейных конфликтах со своими мужьями – вот, мол, мужчина-то настоящий: жена в бегах, а он не пьет и баб не таскает. Мне мужики возвращали упреками. Но я привык к ним и на работе.

Мой старший мастер Гена Шабуров, когда не в духе, всегда наезжает:

– Чему вас там, в институтах учат?

Сам-то он техникум заканчивал и выводил концепцию:

– Чего и не знали – все позабыли!

Даже собака знает, когда ее пнули, а когда запнулись. Ну а я, конечно, Геннадия уважая, избытком скромности не страдал:

– О, сколько нам работы чудной, готовит ум начальства скудный!

Гена только рукой махал:

– Хорошо иметь острый язык: никто не захочет, чтобы ему таким лизали задницу.

И добавил, бросив взгляд на второго сменного мастера (была пересменка):

– Я не понимаю, как с такими людьми делать план. Вы вообще инженеры?

Женька Перфильев (выпускник ЧПИ, АМ-факультета) раскладывал пасьянс в домино, приговаривая:

– Работа, работа – перейди на Федота, перейди на Якова, перейди на всякого. Зарплата, зарплата – приди от Кондрата, приди от Якова, приди от всякого...

Вместо приличествующей моменту озабоченности, он испытывал облегчение, граничащее с эйфорией, по поводу окончания смены. Первое правило Женьтя – к черту все комплексы!

– Гамлетовский вопрос, – кивнул я Гене на пасьянс.

У того все признаки человека пережившего паршивый день.

– Не знаю, – ответил наш старший мастер, тужась придумать мне задание на ночную смену; махнул рукой. – Ладно, работай. Тебе, кстати, звонил какой-то друг из службы Главного Диспетчера – говорил, ночью заглянет в цех.

– Кто?

– Да какой-то знакомый – говорит, у него к тебе дело есть.

Меньше всего на свете мне хотелось точить лясы с институтскими знакомцами.

С Саней Акашиным познакомил нас Зязев. Я был в институте величина, а теперь он на заводе – заместитель Главного Диспетчера. Выглядел так же, как во время последней встречи, только теперь был в куртке и брючках белых.

– Осваиваешься? Тебе моя помощь нужна?

– А что ты можешь?

– Все!

Мне захотелось, чтобы он пожил моей жизнью, ибо тогда только сможет понять, в чем мне действительно помощь нужна. Интересно, как бы он поступил, если его жена ушла к другому?

Акашин усмехнулся:

– Не понимаешь? – я говорю о работе. Ведь мне известен твой потенциал – сейчас ты сменный мастер, а завтра парторг всего «Станкомаша». Сегодня я тебе помогу, завтра ты мне. Это жизнь.

Акашин ответа ждал. Я поискал его на стенде ветеранов войны и труда «Вечная слава героям». Выказал мнение:

– Мне бы хватило пенсии персональной.

Не оценив юмора, Акашин потрепал меня по плечу:

– Не готов еще? Ничего, обкатаешься. Звони.

Тут я заметил на его запястье часы с браслетом из необычных звеньев разного размера – штучная зековская поделка. Акашин проследил мой взгляд.

– Нравятся? – спросил. – Подарок друзей.

– Ничто так не опускает человека в глазах руководящей и направляющей силы общества, как намек на принадлежность к кругу лиц, побывавших в местах не столь отдаленных.

Акашин растерялся. А мне было легко и приятно – если и была какая-то скованность, то теперь она исчезла без следа. Даже с умилением подумал: «Остались на свете хорошие люди».

Заместитель Главного Диспетчера носом шмыгнул. Потом усмехнулся.

– Ты по политическим взглядам – убежденный?

– Скажем так: я не против, чтобы у жизни были упругие сиськи и круглая попка.

Лицо собеседника расцвело улыбкой:

– Вот это я и хотел услышать!

Акашин достал и открыл записную книжку.

– Где у тебя поблизости телефон?

Стержневым элементом цехового пространства всегда был пронзительный звонок трогающихся мостовых кранов. На него, как на ниточку ожерелья, нанизывались все остальные звенья звуковой реальности: скрежет конвейера на покраске, визг металлообрабатывающих станков, треск сварки и вой пескоструя. И уже вокруг этого сгущались материальные предметы и люди, снующие по цеху, которые не говорили, а кричали, жестикулируя, когда надо было поговорить.

Даже разговоры здесь проходят по заранее предрешенному сценарию. Если ты столкнешься с кем-то на улице города, человек этот скажет: «Извините». Если же здесь на кого-то напорешься, то должен рявкнуть: «Какого хрена под ноги лезешь?» прежде, чем тот успеет облаить тебя. Если не рявкнешь, рявкнет он. Одним словом – производство.

В будке мастеров ненамного тише. Акашин распекал кого-то оглушительно, бодро, безжалостно.

– — Вы когда должны были отгрузить продукцию? – рявкал в трубку. – Вы о чем вообще думаете на работе?

Я черкался на листочке в ожидании момента, когда высокий гость наговорится и утопает. Можно будет в уютном кресле у дежурного электрика погоревать над судьбой, а то и кемарнуть часик-другой. Неожиданно мысли приняли радикально другое направление, и по душе прокатилась волна профессиональной бодрости. Достал из ящика стола чистый лист и быстро написал на нем: «Заказы №147, №322». И далее по пунктам:

1. Составляющие – технология

2. Маршрут – Акашин

3. Реальные сроки сборки – бригадиры

4. График поставок комплектующих – Акашин.

Написанное вдохновило, и я стал с большим нетерпением ожидать, когда заместитель Главного Диспетчера наругается по телефону. Адреналиновая волна, прошедшая по телу, придала ему удивительную легкость и координацию – даже попытался поймать муху налету и достиг успеха. Еще почувствовал острое желание сказать Акашину что-нибудь приятное. Заметил перемены в его лице, которые сразу не разглядел – щеки обветрили и налились румянцем, словно он минувшую зиму по выходным с большой пользой для здоровья катался на лыжах. В институте мы редко встречались, но здесь, похоже, станем друзьями.

Акашин бросил трубку на аппарат – на его лице проступили усталость и отвращение. Взгляд был несокрушимо пуст. Я решил его заполнить.

– Поможешь с информацией, – и передал листок.

Он улыбнулся:

– Что это? Сводка в ЦРУ?

– Попытка уйти от авральщины и штурмовщины.

Акашин поднял левую бровь:

– В самом деле?

– Не знаю: получится ли, но скучно без дела и быть мальчиком для битья.

Акашин кивнул, свернул листок, положил в карман:

– Считай, что ты меня озадачил. Жизнь такая: ты мне – я тебе, а кто этого не понимает, тому приходится нелегко.

Уходил он довольным.

А я растянулся на лавке в будке мастеров и долгое время глядел в потолок, наслаждаясь редким для себя состоянием полного безмыслия. Собственно, не вполне верно было называть его безмыслием хотя бы по той простой причине, что мое сознание, свободное от дум, продолжало реагировать на внешние раздражители, никак не рефлексую по их поводу.

Флюра, технический контролер, пришла:

– Предъявлять что-нибудь будешь?

– Спроси у бригадиров.

Это было чудесное состояние, в высшей степени непохожее на обыденные умственные процессы – давно мне знакомое. Неясные образы чего-то нового тревожат психику, угнетают, но вдруг наступает какой-то момент, и рождается решение еще одной мучительной проблемы. Дико, должно быть, выглядит для стороннего наблюдателя: лежит себе человек на спине, лежит – вдруг соскакивает, сует ноги в шлепанцы и отбывает в неизвестном направлении вслед за мыслью, устремившейся произвольным маршрутом. А потом оказывается – именно это движение определило судьбу.

В данный момент мысль народилась, но не было шлепанцев, а была Флюра с осуждающей миной на милом татарском лице. Приличия требовали занять ее разговором.

– Флюрочка, ты такая красивая! У тебя есть любовник? А как тебе моя кандидатура?

– Еще один хамский пассаж, и я полностью потеряю к тебе интерес.

– А он есть? Это обнадеживает.

– Не цепляйся к словам.

– А почему я не могу цепляться к словам, которые мне подходят?

– Из материальных соображений – что может предложить девушке мастер с окладом в 150 р.?

Она могла за себя постоять, но все-таки это был удар ниже пояса – я обиделся и начал хамить.

– Ты опускаешь перспективы: вот стану я начальником цеха – буду раскладывать тебя на столе в кабинете всякий раз, когда захочу, и даже слова о любви не прошепчу.

– Станешь – посмотрим.

– Ой, как интересно! А дураки-поэты о любви все талдычат, о чуйствах высоких....

Такого от Флюры не ожидал. Ведь молода еще, замужем не была – откуда цинизм? Вот бабы! Тут же ощутил неприязнь высшей пробы к прекрасному полу: на производстве все быстро изнашивается – и терпимость не исключение.

– С тобой интересно беседовать – твои слова будят мудрые мысли.

– И о чем ты сейчас подумал?

– Гораздо до меня сделан был вывод: все бабы бл..ди! – но я с ним готов сейчас согласиться.

Скулы у Флюры порозовели.

– Знаешь, какие последствия вызывают такие мысли, высказанные вслух? Я вот хочу запустить в тебя пепельницей, но лучше скажу – а ты возьми одну бл..дь из сонма бл..дей и сделай ее принцессой. Это будет мужской поступок.

– Даже не знаю.... Пробовал – но получилось с точностью наоборот.

Она пожала плечами:

– Успех – это сумма попыток.

Наступила гнетущая тишина.

Если мы пикировались, то я проиграл и поднял руки, признавая свое поражение:

– Все, сдаюсь. Удачи тебе в поисках принца!

Это слова, а в душе отвращение – будто не симпатичная девушка предо мной, а змея ядовитая, способная жалить, когда меньше всего этого ждешь.

Вошел бригадир 147-го заказа:

– Мастер, чай готов? А хрена сидишь?

Я внимательно посмотрел на него. Ему было лет около тридцати – малый с пшеничными усами, высоким лбом с залысинами и голубыми глазами. Цвет лица указывал на предрасположенность к апоплексии, и вряд ли суждена ему долгая жизнь. В высоченной до сутулости фигуре ощущалась такая концентрация провинциального демонизма, что сразу начинаешь испытывать давление. Кстати, это он прозвал Куликова «хлюздом, отхаренным в туза».

– А ну покинь помещение с проворным достоинством!

Бригадир улыбнулся:

– Я не к тебе.

Флюра подала ему руку:

– Григорий, ну, вся твоя.

– А что тут у вас происходит?

– Мы поспорили с мастером о его мужских качествах.

Бригадир Григорий расхохотался.

– Ой, не связывайся ты с мастерами – гонор министра, а зарплата дворника. Пойдем, лучше примешь мои качественные бомбешки, да я буду тарить.

Мне нужен был бригадир, и я поплелся вслед за ними, ведущими оживленный разговор – Флюра звонко хохотала и похлопывала Григория ладонью по руке, словно умоляя перестать говорить что-то невыносимо смешное. Глядя на ее ножки, подумал – ну, ни один мужик не скажет другому: «Смотри, какая мозговитая баба пошла».

Было около трех часов ночи, когда я добился, наконец, от Григория ответа на вопрос – сколько бригада может собрать изделий за восемь часов нормальной работы. И некогда было задуматься над словами Флюры – что делает мужчину привлекательным в глазах женщин? Неужто зарплата? Не верилось – ведь я полагал: какие-то сокровища духа. И, тем не менее, дело обстояло именно так.

То, что раньше не вызвало бы и тени улыбки, сейчас показалось смешным гомерически. Я громко расхохотался своему открытию, и от меня шарахнулись две случившееся поблизости малярши с окраски.

Вот это уже интересно: вкальвай-зарабатывай, а бабы сами тебя найдут. А я-то бездарный полагал, будто во мне присутствует некий шарм, способный привлечь, если не всех, то многих женщин – искренних, преданных, любящих. Но ведь в таком противопоставлении заключена невыносимая истина: женщина – тварь продажная! С какой стати ей любопытен мой внутренний мир? Была бы квартира, машина, а остальное... пусть будет, что есть.

От отвращения к бабам я застонал.

Полно морочить себя самого – любви нет и быть не может: если хочешь счастья в браке, оставь свой внутренний мир в каком-нибудь мусорном баке. «Хлюзд отхаренный в туза», увлекший мою жену, единственно в чем превосходит меня, так это в зарплате. И разве я могу обвинять Ляльку, если она отказывается видеть во мне достойного ей мужчину? Помнится, она упрекала скудность наших доходов: «Вот Саша Лазарев (есть такой родственник) после смены калымит – крыши битумом заливает». А я что ответил? «Так карьера не делается, дорогая». Но что же я могу предложить ей сейчас взамен зарплаты слесаря-сборщика Куликова? Себя самого? Так был уже – и не потянул.

Я вышел из цеха в калитку служебную, сел на лавочку для курильщиков. Невыносимая духота – капли пота между лопатками сбились в ручей. Чувствовал себя разбитым, подавленным – впрочем, в последнее время это постоянное мое состояние. Дым сигареты казался кислым. Оцепенело застыло звездное небо. Утомленной утробой вздыхали цеха огромного завода. Рядом с урной увидел дохлого желторотика – должно быть, выпавшего из гнезда. Одному Богу известно, зачем птицам жить в таком жутком месте – но летают, чирикают. Однажды до смерти напугала летучая мышь, коснувшаяся волос на макушке тонкими прозрачными крыльями. К слову сказать: в мире подлунном столько страданий – для чего мы вообще просыпаемся по утрам?

«Хлюзда» на участке я не заметил. Представил Ляльку в его объятиях и почувствовал слезы на щеках. Вспомнился недавний ее звонок:

– Мыгра, я плачу.

– Значит, не я один...

Говорят, что Бог не подвергнет тебя испытанию, которое ты не смог бы вынести. Но в таком случае встает вопрос – а зачем Бог вообще заставляет человека страдать?

Говорят, время лечит. Но это неправда. Время уходит, а боль не проходит – боль никогда не пройдет...

Закрыв глаза и увидел Ляльку. Вспомнил волосы, губы, тонкий запах ее духов...

Внезапно почувствовал укол в левой половине груди, онемение рук – наверное, приступ. Боже, у меня сейчас будет сердечный приступ – в двадцать-то восемь лет! Попытался сосредоточиться на чем-то, чтобы забыть о боли – вдох-выдох. Встал, присел – вдох-выдох. Наклонился – вдох-выдох. Мельницу руками – вдох-выдох...

Постепенно боль отступила. Только руки словно чужие.

И я совершенно не удивился, когда не ощутил биения сердца.

Легче стало по дороге домой. Боли пропали. Все мысли, ночью промчавшиеся сквозь мою душу и, казалось, ископытывшие ее совсем, вдруг стали источником тонкого наслаждения. Печаль, охватившая, была сладка, и я уже опасался, что она уйдет. Такое сожаление испытываешь, когда стоишь под безукоризненно синим небом в прекрасный летний день, полностью забыв о благополучии всех на свете кроме себя любимого, и осознаешь, что никогда уже не познаешь такого счастья.

Дома, перекусив, улегся на диван и уставился в потолок, изучая его побелку – после ремонта уже померкшую. Сон не шел. Я как раз решал – помечтать на тему «душа просит праздника» или включить телевизор, когда постучали.

– Да-да! – крикнул, не потрудившись встать, – войдите.

Дверь распахнулась. На пороге стоял молодой красавец кавказской наружности. Номинально он был мой сосед – кажется, его звали Эдик. Он недавно демобилизовался и учился в милицейской школе, куда дядя его пристроил – большая шишка по этой части. Минувшую ночь курсант, должно быть, не спал – намекали на это небритые скулы, припухшие покрасневшие глаза и запах загула, который, словно мошकारа, витал вокруг его чела. Аромат еще тот!

– Чего, спишь, что ли? – спросил, подозрительно оглядывая комнату. – Разбудил? Ну, извини. Бабу хочешь? Вчера на рейде прихватили – расстаться не можем.

Увидел трико на спинке стула – цапнул:

– Можно одену? Видишь?

Кивнул на бриджи форменные свои – они были мокры.

Мелькнула мысль, которую не осмелюсь озвучить – она-то и повела к соседу.

Девушка была незнакома и гораздо страшнее ночного кошмара – в солдатской майке на босо тело. От вида ее стало смешно.

– Вера, знакомься – сосед Анатолий. Дашь ему?

– Хорошему человеку разве жалко. Купишь пузырь?

Эдик в моем трико изогнулся лакеем:

– Я сгоняю, а вы пока тут....

Взгляд его жаждал денег.

– Без меня, – сказал я.

В его глазах мелькнул испуг, но тут же был прихлопнут ресницами.

– Дай займы.

– Деньги, сосед – самое главное зло на земле.

– Легко говорить, когда они есть.

– Отцепись от него, – вздохнула девушка. – Анатолий не такой придурок.

В соседе разыгралась кавказская кровь:

– Эй, женщина! Будь осторожней в словах.

А в девушке застарелая ненависть проститутки к халявщику от закона:

– А ты... Это гораздо хуже, чем струсить. Ты рехнулся! Трудно, наверное, быть дебилом?

Мне еще разнимать их придется!

– Я, пожалуй, пойду – не хочется блевать посреди вашего праздника. Отрепетирую серьезное выражение лица и на работу. А вы – чтоб без драки тут.

Денег я им все-таки дал и действительно пошел на работу.

Гена Шабуров удивленно уставился на меня, явно приняв за идиота:

– Еще один, мечтающий обустроить страну? Вот поменьше бы таких, и она не нуждалась ни в каких переделках – все планы партии выполнялись досрочно.

– Диалектик?

– Нет, пострадавший. Все, пытавшиеся обустроить жизнь, кончали тем, что она обустроивала их сама....

В мире, где происходит то, что не должно происходить, часто произносишь слова с противоположным смыслом. Я и сказал:

– А я уверен: каждый становится собою не по воле случая – нет, лишь подлинное содержание составляет его суть. И если выбора нет в настоящем, значит, в прошлом был сделан неправильный выбор.

То ли понял Шабуров меня, то ли нет – взгляд отвел, когда говорил:

– Может, вспомним, наконец, что мы не студенты и начнем вкалывать? Как в вас вдолбить, товарищи мастера, одну-разъединственную мысль – план превыше всего!

Гена, в отличие от меня, не собирался спасать весь мир – и вообще сильно смахивал на человека, который не любил делать то, что он делал.

– Послушай, я же не собираюсь заниматься чем-то противозаконным: посижу, посмотрю, прикину – и что-нибудь выдам: мысли есть.

Разложил на столе в мастерской техническую документацию заказов и стал выписывать деталировку.

Заскочил Женька Перфильев:

– Как дела?

– Лучше чем у тебя.

– Врут люди.

На любопытство его – люблю, мол, приобретать знания во вне рабочее время.

– Надеюсь, ты хорошо себе платишь.

В будке появился бригадир Григорий и все его сто восемьдесят пять сантиметров.

– И этот здесь? Сладок вкус любимой работы?

Он посмотрел на стол, на развернутую документацию, на руки мои... но не в глаза.

– Хочу сверить твои слова с нормами технологического времени на сборку изделия.

– А потом будете резать расценки? Только через мой труп!

– Не искушай.

– Мастер, тебе больше всех надо?

От ответа спас звонок телефона. Мы переглянулись, и Женька нехотя снял трубку. Слушал-слушал, а потом так громко выругался: «Черт!», что мы с бригадиром вздрогнули.

– Начальство тянет? – поинтересовался Григорий.

– Помолчи, а! Просто закрой рот и стой, – и ко мне. – Представляешь? Отпуска всем зарубили до конца года. Блин, концлагерь, а не завод!

– В январе отгуляешь, – подсказал бригадир. – Водка холодная, бабы непотные....

– Гриша, заткнись, добром прошу!

У того непроизвольно дернулись руки.

– Даже не думай! – Женька Перфильев был боксер. Он так стремительно повернулся к Григорию, что тот отпрянул. Бригадир был крупнее и выше, но злая решимость в глазах мастера заставила его отступить – выругался и вышел.

На производстве ценится послушание. Если хочешь шоколадку, веди себя хорошо, и мастер не тронет твою премию за бездефектность и дисциплину труда. И наоборот: если доставляешь неприятности, будешь наказан лишением всей десятипроцентной надбавки к месячной зарплате или части ее. Шаг за шагом, уступка за уступкой складывают производственные отношения.

Результаты анализа технологических операций участка завершения – окраски, сборки и затаривания готовой продукции у меня были готовы к концу дня, то бишь к началу моей смены. Ночью я еще и таблицу нарисовал для наглядности. Две таблицы – для каждого заказа свою. Можно сказать, доклад готов и подтвержден документально – это первое, чему учатся инженеры. Теперь то же самое для комплектующих по механическим участкам – в своем цехе сам, по другим цехам информацию даст Акашин. И тогда можно садиться за маршрутную карту-календарь на каждый день движения деталей до сборки и самой сборки, предъявления и сдачи продукции заказчику – такова была задумка. А дальше – идти к начальству за «добром» на эксперимент или же осуществить его на свой страх и риск.

Риска еще не было, но появилась тревога. Когда прошлой ночью родилась задумка, настроение было совсем другое – тогда переполняла вера, что, рассчитав плановость движения комплектующих по участкам обработки к сборке и упростив за этим контроль, избавлю цех от штурмовщины. Угнездившаяся за сутки улыбка сползла и опала под ноги, как старая змеиная кожа, когда сопоставил всего два числа – суммарную норму времени сборки плановой партии по технологии и часовую протяженность рабочего месяца. Они разнились не в пользу ритмичной работы! На имеющейся производственной площади, с нашим набором инструмен-

тов и механизмов, реальным численным составом бригад поставленный план был невыполним по каждому из заказов.

Вот, блин, засада! И что же делать? Вся задумка моя насмарку.

Еле дождался утра.

Женьке Перфильеву – по барабану. Гену спросить – тот должен знать.

Шабуров из толпы не любил выделяться. Его назначение на должность старшего мастера участка завершения механосборочного цеха случилось задолго до мирового потопа и явилось, с одной стороны, воплощением того, что все народы в стране советской обладают равными возможностями, с другой – настоящим чудом. Однако на шутки по этому поводу Геннадий искренне обижался, полагая, что если будет продолжать целовать начальство в зад, то что-то получит от него взамен – карьерный лимит весь исчерпал.

Покосившись на конспекты мои, старший мастер глубоко вздохнул.

– Меня сейчас больше интересует – сколько изделий сдал ты за смену БТК?

На мое недоумение улыбнулся:

– Шел бы домой – лица уже нет. Вторые сутки не спишь? Ну, хорошо!

Сел за стол, высморкался в носовой платок и приложил его ко лбу.

– Развлекай.

Складывалось впечатление, что у меня дебют на сцене.

Выслушав краткий доклад мой, покачал головой:

– Возможно, в другой раз у меня будет время и желание поспорить об этом, но не сейчас.

– Иногда жизнь не оставляет времени, а требует ответа здесь и сейчас.

– Жизнь или ты?

До меня вдруг дошло – Гена не понял и десятой доли того, о чем я сейчас ему говорил. Даже, наверное, сотой.

В эту минуту в будку мастеров вошел бригадир 322-го заказа Костя Кузьмук с лицом Никулина, фигурой Моргунова и голосом Вицина из кинофильма «Самогонщики». Он медленно и осторожно приблизился к столу, осмотрел его и ткнул пальцем в мою тетрадь с записями.

– Эта? Жентяй говорит: ты здесь такое накопал, что нахрен работать....

Его адамово яблоко прокатилось по горлу от ключиц к подбородку.

Гена вскочил и руками замахал.

– Идет производственное совещание, и тебе нехрен совать свой нос не в свои дела.

На попытки бригадира возразить Гена гремел:

– Никаких вопросов! Никаких ответов! Нечего время терять – иди, работай!

Лицо Кузьмука исказила гримаса.

– Мастер! – это уже мне. – Ты скажи – нас действительно дурят?

Мое молчание было красноречивее всяких слов.

– При таком раскладе, – заявил бригадир, – надо приглашать партком и профком.

И вышел.

– Вот было бы это последнее огорчение..., – развел руки Гена, хотел еще что-то добавить, но в горле стал ком; он поморщился, глотая. – Понял теперь, что заварил?

– Не понял, как к этому относишься ты.

– Я не технолог, чтобы читать всю эту муру, – он кивнул на полку с документацией.

– И что мне сказать? Простите за беспокойство, пошел в техбюро?

– Чего добиваешься? Гнешься Кощеем да получишь по шее!

Начальником техбюро нашего цеха был Крюков Валера, выпускник ДПА. Мало того – бывший мой одноклассник той, дофлотской, поры.

– Я и не знал, – абсолютно честно признался он. – Что, правда? Тебе на самом деле хочется поставить вопрос об этом прямо сейчас? Все-таки конец месяца и квартала....

Я промолчал.

Он пристально посмотрел на меня:

– Чего же ты добиваешься?

Святые угодники! Меня это стало доставать! Ничего я не добиваюсь, а просто хочу знать – бардак этот задуман умыслом злым или запущено все от нерадивости.

Я приблизил к Валере лицо:

– Если скажу кое-что по секрету, обещаешь тайну хранить?

Крюков шумно сглотнул и несколько раз кивнул, выдавив хрипкое:

– Конечно.

– Я – коммунист. Непонятно, да?

– Понятно, – поспешно заверил он. – Только почему это надо хранить в секрете?

Будь я азартным человеком, то после техбюро напрямик потопал бы в кабинет начальника цеха. Но, увы, я – философ. Тема есть – надо подумать. А на плечах груз бессонной ночи... Да где там – трех уже! И я поплелся с завода.

Время к полудню спешило, когда вернулся домой. В голове роилось столько вопросов, что не сразу и понял – неужто телевизор оставил включенным?

На диване сидела Лялька.

– Здравствуй, Мыгра, это я.

Сжалось сердце предчувствием счастья – неужто вернулась?

Но у визита жены была цель другая.

– Зачем тебе нужен этот блеф?

– Понимаешь, встретились – Пушнинкова вся из себя такая счастливая: «Ах, Сереженька, мой Сережа!». У них была годовщина регистрации, а мы и на свадьбе не погуляли – теперь пригласила. Давай хоть задним числом отметим – собирайся! Нагрянем – покажем, что есть еще порох и в наших пороховницах. И вообще, как тетечка Лидочка говорит: в жизни только два раза собираются вместе все, кого любишь – на твою свадьбу и твои похороны. И поверь, во второй раз тебе будет не до веселья.

– Ведь это же ложь! Не стыдно будет в глаза им смотреть?

– Какой ты зануда! Помню, в общаге тебя звали Палундрой. Выдохся, да?

А занудный Палундра ощущал одновременно тоску и радость от этой встречи и предложения ее продлить.

– Тебе разрешили со мной поехать?

– Э, давай не начинай.

– А ночевать ты останешься?

– Как будешь себя вести.

И загрустила.

Я переоделся – был готов ехать.

– Ты где?

– Просто задумалась.

– О том, кого нет?

Жена покачала головой:

– О том, как ненавижу мужчин.

– Поменяла жизненное кредо?

И на ее вопросительный взгляд напомнил:

– «С этим прощаюсь, с тем гуляю, на того глаз положила».

– Ошибки прошлого видней.

– И забываются трудней....

Она казалась старше себя обычной. Невольно приглядывался к ее волосам – не пробивается ли седина? Излишне говорить, что я пытался направить ее энергию в приличное

русло – например, сына прихватить к Ивановым с собой. Мы сидели в такси на заднем сидении – сидели довольно близко. Я мог точно сказать, сколько сантиметров разделяют наши плечи, бедра, колени. Возникшего меж нами напряжения хватило бы, думаю, зажечь лампочку от фонарика. Но Лялька, казалось, ничего не замечала. А если и замечала, то чертовски умело это скрывала.

– Нам нужен магазин игрушек.

Я только хмыкнул, а губы ее растянулись в улыбке:

– Оленька в интересном положении.

– Теперь понятно – едешь опыт молодой мамы передавать?

– Ни грамма не стыдно! Ведь вы, мужики, делитесь между собой, как плодиться и размножаться.

Я от удивления рассмеялся. А потом почувствовал, что вспотел под рубашкой с короткими рукавами – от напряжения. А вот у Ляльки не дрогнул ни один мускул.

Авто покинули у «Детского мира». Я закурил, стоял, любовался, как жена моя идет к дверям магазина – легкой походкой, расплескав роскошные волосы по плечам.

Господи, этот парень просто вцепился в нее, когда она выходила. Так ведь и Лялька была непротив – она улыбалась ему в ответ.

Мой рассудок мгновенно схватила ярость. Чувство ревности как фантомная боль в оторванной конечности затопило душу. Я заступил им дорогу, сжав кулаки:

– Слышь ты, жаба прыщавая....

Мне так захотелось врезать, чтобы кости его затрещали.

Парень покраснел и попятился, но ничего не сказал. Фыркнула Лялька:

– Мыгра, ты спятил! Это же Шараватов Сережка, мой двоюродный брат. Теть Лиду помнишь? Ее старший сын. Уразумел? А теперь сделай доброе лицо и пожми родственнику руку.

Не узнал пацана – вон как вытянулся. А ведь я его знал.

Черт! Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь знал, как я ревную свою жену. Что сомневаюсь в ней. Провел ладонью по лицу – может и правда станет добрее.

В руках у нее подарок в коробке – кукла с желтыми волосами. Девчонки! Сами уж мамы, а в кукол играют. Что-то я в этом вопросе не догоняю. Недоумение и уняло раздражение.

Брызнул дождь, когда мы поймали такси. Дворники на машине шептались друг с другом, а она катила в Металлургический район. Лялька пристроила голову мне на плечо – клянусь, я перестал дышать. Невозможно прожить с человеком три года и не научиться читать азбуку Морзе отношений – робкие взгляды на званом ужине: не пора ли домой и в постель; молчаливое извинение, когда под столом тянешься к ее руке; улыбка «я люблю тебя», брошенная к ногам. Что сейчас?

– Ты хотел бы заглянуть в будущее, даже если знал, что не в силах его изменить?

Я задумываюсь над ее вопросом.

– Не знаю. Наверное, лучше иметь надежду.

Она гладит меня по щеке.

– А я знаю, что ты любишь меня.

По указанному адресу дверь открыл несостоявшийся свидетель нашей свадьбы Сергей Иванов. Мы шлепнули ладошками, барышни обнялись и на кухню подались.

У Серого первый вопрос:

– Может показаться, что я сую нос в чужие дела, но мне говорили, что вы разбежались.

– А мы думали, новость для вас.

– Значит, правда. Холостуешь, дед – в смысле, торчишь?

Что сказать? Тут наши жены стали накрывать стол в гостиной. Я взглянул на Ляльку, веселую, счастливую и до того красивую, так сильно похожую на свою фотографию, что сердце неистово забилося, а низ живота свело. Все эти месяцы разлуки я беззастенчиво пользовался

ее образом. К нему мысленно обращался в поисках утешения. Именно благодаря идеальному образу моей жены, что безмолвно стоит на столе фотографией, я выжил – не дал сгубить себя в угаре пьяном. Потому что верил: однажды она вернется, и мы заживем по-старому.

Иван, засмеявшись, встал.

А я остался с тревожной мыслью – а вдруг она сегодня со мной, чтобы сказать, что уходит теперь навсегда. Поймал ее взгляд. Она взглянула и отвернулась. И это движение охладило мой пыл. Между нами по-прежнему висело предательство – злое чудовище невероятных размеров. И унижение – оно прожгло в моем сердце дыру. И подозрение – я не тот мужчина, которого она в кумиры придумала.

Выпили и еще... Развязались языки.

Разлад в нашей семье стал главной темой застолья.

Ляльке бы сейчас досталось, но я решил ей прийти на помощь.

– Один очень умный человек сказал: никогда не оглядывайся назад – просто оставь прошлое позади и найди что-то лучшее в настоящем.

– Уж не Гончарова ли? – съехидничала жена, и я стал объектом порицания.

Никогда еще за свою ложь не получал я награды выше.

В минуту уединения она сказала:

– Спасибо, Мыгра.

И бросилась в мои объятия, как самое уютное место на земле. А я зарылся в сладостный запах ее волос. Коснулся губами ее губ, и от печали перехватило дыхание. Это был сон – это просто не может быть правдой! Лялька в моих объятиях! Я прижал ее изо всех сил. Потом взял в ладони ее лицо и упер наши лбы.

– Не думал, что сегодня увижу тебя.

Перецеловал ей брови. Тронул губами ее переносицу; легко, словно бабочка, черкнул по ресницам; едва-едва, словно шепот, коснулся губ – снова и снова.

– Что ты делаешь?

– Забираю тебя в себя. Жаль мы в гостях.

Снизойшло умиротворение. Я не стану таким, как все. Никогда не стану, потому что открыл и вобрал в себя истинную красоту. Всю оставшуюся жизнь готов нести ее в себе – обжигающую, как сокровенная тайна, и хранить ее так же доблестно, как мальчиш Кибальчиш военную тайну.

– Я тебя никогда не забуду, Оля Крюкова, – снова прильнул к ее губам.

И снова почувствовал вкус печали. Она поглотила меня, но вдохнула надежду.

Наши сердца бились в унисон.

– Давай будем думать, что сегодня мы первый раз встретились.

– Мыгра, – дрожащим голосом прошептала она, – ведь я тебя тоже очень люблю...

Двусмысленно это «тоже» – то ли она любит, потому что я люблю ее, то ли любит своего Куликова и меня тоже?

Больше она не могла говорить – из глаз ее брызнули слезы. А потом ее прорвало. Лялька никогда в жизни так не ревела (по крайней мере, на моей памяти) – до икоты, до того, что больше вообще не могла издать ни звука.

Тем не менее, в ванную постучали:

– У вас все хорошо?

Пушнинкова, которая теперь Иванова, быстро все сообразила – обняла Ляльку, усадила за стол, принялась потчевать:

– Успокойся – вы не все еще растеряли.

Стуча зубами о край стакана, Лялька сказала:

– Я бы предпочла, чтобы выбор оставался за мной.

Наверное, не для моих ушей. Но я присутствовал, и молчать было унижительно:

– Понятно тогда, почему ты замуж пошла. Чтобы обеспечить свободу выбора – под родительской опекой не разгуляешься.

– Ты о чем? – жена удивленно вздернула бровь.

– Все о том же.

– Вот знать бы, кто и когда посеял зерна сомнения в души ваши! – воскликнула бывшая свидетельница нашей свадьбы.

– Подробности любопытны? – я, кажется, начал хамить.

Сергей налил в рюмки, поднял свою и сам поднялся:

– Не могли бы вы поспорить где-нибудь в другом месте и в другое время?

Дамы не обратили на него ни малейшего внимания.

– Есть идея получше, – поднялся я. – Пойдем на балкон: пусть душу отводят.

– Это верно! – друг мой прихватил со стола бутылку.

Неожиданно Лялька схватила мою ладонь и прижалась к ней лбом – из груди ее вырвался всхлип, напоминающий мяуканье котенка.

– Прости меня! Я веду себя идиотски.

– Вот тут никто спорить не станет.

Тем не менее, когда, попрощавшись с Ивановыми, сели в такси, спросил жену:

– Ты куда сейчас?

Она наклонилась к водителю:

– ЧПИ, ДПА....

Возле общаги студенческой вышла, помахала рукой:

– Спасибо за приятный день! Уверена, ночью тебе меня будет не хватать.

– Вряд ли, – вздохнул и пожал плечами. – Мне сейчас на работу.

И направил такси к проходной.

Следовало бы заскочить домой, переодеться, собрать тормозок – время позволяло. Но, покурив и подумав, вошел в проходную.

Цех, как говорит Иванов, торчал!

Впервые за время моей работы здесь ничто не звенело, не скрежетало, не визжало, не трещало и даже не выло. Где-то женщины пели тихо. Не хватало расстеленных для пикника одеял и вокруг веселящихся людей. И разговоров. Мне так хотелось услышать ответы на свои вопросы.

– Эй, мастер!

Я вздрогнул и обернулся.

Слесарь-сборщик Куликов, «хлюзд, отхаренный в туза», обольститель моей жены стоял за спиной. У нас была причина ненавидеть друг друга – повисло тягостное молчание. Потом он сказал:

– Бардак на киче. Переходи на нашу сторону – в авторитете будешь.

Мне показалось, что я ослышался.

– Ты всерьез?

– Всерьез, – Куликов вытер пот со лба рукавом футболки.

Меня осенило: вот почему в цехе тишина – бригады бастуют.

– В будке народ, – подсказал Куликов.

В конечном итоге все сводится к одному: стадный инстинкт непреодолим, он дремлет в каждом человеке, готовый вспыхнуть в любую секунду. И не имеет значения, по какому поводу толпа всколыхнулась – инстинкт есть инстинкт. Но я был мастером и знал, что должен делать на производстве в любой ситуации: главное для меня – это безопасность людей. Поэтому вошел в будку мастеров, куда набилась большая толпа, и закрыл за собой дверь. Вошел и руки скрестил на груди, надеясь, что выгляжу так же круто, как мне это кажется. Но....

Под ногами был твердый пол, но, казалось, качается палубой – так много мата и брани из многих глоток да сразу, услышал я первый раз. Что за люди передо мной? Может, кто-то

кого-то ножом убил в пьяной драке, жену забил до смерти дома или избу спалил с живыми людьми – им теперь сам черт не страшен, потому что терять уже нечего. Как говорится: ужас, мама – куда я попал? Но...

Но я выстоял, вытерпел, откашлялся, нервно сглотнул и готов был вести диалог.

Они продолжали орать и махать руками, но никто не решался смотреть мне в глаза.

Наконец, дали возможность вымолвить слово.

– Как вы думаете – чем это кончится?

– Как говорится, никак не думаем, – ответил Костя Кузьмук.

И бригадир Григорий покачал головой:

– Понятия не имеем.

– Так зачем же народ подставляете?

Кто-то крикнул:

– Мы требуем сюда представителей администрации завода, профкома и парткома!

– Кого-то послали за ними?

Бунтари переглянулись.

– Мы сказали начальнику цеха.

– А тот? – пытал я.

– Поди узнай...

– Пойду и узнаю, – решил я.

– Тогда тебе лучше поспешить: в конторе сейчас директор, – сказал за моей спиной Куликов. «Хлюзд, отхаренный в туза» – должно быть, филер у бунта.

На моих глазах черная «Волга» отъехала от двухэтажной конторы цеха.

Собрался с духом и постучал в дверь начальника – потом открыл и вошел.

Ник. Ник. Чугунов сидел за своим столом и тупо смотрел перед собой. Если бы я вошел в кабинет десятью минутами раньше, то застал на его месте генерального директора и героя соцтруда Самарина Михаила Тимофеича – его мат и ругань, а еще знаменитый удар кулаком по столу, от которого на толстенном канцелярском стекле трещины разбежались. Теперь наш начальник, его заместители и прочие инженерно-технические работники цеха душевно переживали высокий визит.

Не дождавшись «добра» на свое «разрешите?», вошел и пристроился на свободный стул. Гена Шабуров кивнул на меня:

– А вот и зачинщик.

– Знаешь, что творится у вас на участке? – поднял на меня взгляд Чугунов.

– Знаю, – ответил, глядя ему прямо в глаза, – но это вина не моя.

Крюков Валера сидел и грыз ноготь, таращась на пол у себя под ногами, совершенно не обращая внимания на мой настойчивый взгляд.

Повисло неловкое молчание.

Николай Николаевич шумно вздохнул – орать после директора очень непросто. Поэтому он сказал холодно и негромко:

– Вас поставили бомбы делать, а вы кренделя выделяете. Значит так, Шабуров, забирай свою братию, и чтобы духу вашего на заводе не было.

Гена ссутулился и зажал ладони между коленями.

– Приговор окончательный и обжалованию не подлежит, – добавил Чугунов.

Наш старший мастер молчал, но был сплошным комком нервов. Казалось, он просто пышет негодованием. И еще – что у него сейчас случится сердечный приступ.

Это замечаю не я один.

– Успокойся, – едва слышно сказал старший мастер механического участка Пушкин Боря, – это решается не здесь.

Начальник цеха смерил его взглядом, но промолчал.

Гена вцепился руками в колени.

– Чего сидишь? – голос Чугунова напрягся. – Встал и нах... отсюда пошел. Я хочу, чтобы поняли все: здесь производственный цех, а не цирк шапито, и заказ у нас оборонный.

И снова Шабурову:

– Ты помнишь, в какой стороне дверь или тебя нах.. в окно выбросить?

Гена встал и поплелся к двери. Я встал и поплелся следом.

Женька Перфильев встал и сказал:

– Я в туалет.

Подался за нами.

В туалет мы вошли втроем.

Гена пристроился к писсуару:

– Доигрались в инженеров, сукины дети!

– Да хрен че он сделает! – беспечен был Женька. – Подумаешь, выгнал из кабинета. Сам там последний день обитает.

– Тебе не мешало отрезать язык.

– А тебе прикусить, – усмехнулся Перфильев. Однако щеки его покраснели от злости – у него было такое выражение лица, какое бывает у подростков, которые хотят показать взрослому, в данном случае старшему мастеру, что о нем думают: мол, распоследний ты неудачник и трус, а мне не указ.

Ситуация расставляла всех по своим местам.

В цех на участок мы с Геной вернулись.

Народ притомился – без работы тоскливо, а начальства все нет.

– К какому решению пришли наверху? – Гену спросили.

Прощальная речь стармаса Шабурова была краткой, но выразительной:

– А пошли вы впиз....!

Более он ничего не сказал – собрал из ящика стола личные погремушки и, сильно сутулясь, побрел по проходу на выход. Но, казалось, душа его еще карабкается по крутому и скользкому склону надежды, уповая на то, что к завтрашнему дню, возможно, вся его жизнь переменится к лучшему.

– Мастер, может, ты нам правду расскажешь, что там, в конторе у вас происходит?

Что им сказать?

– Я, парни не в шабашЕ – ни там, ни здесь: я сам по себе.

– А Гена куда? Неужто прогнали? За что?

– За глупость мою.

У меня не было причин испытывать неловкость, тем не менее, лицо мое вспыхнуло.

– А правда заключается в том, что цеху поставили план, который нормальной работой не выполнить. И они растянули рабочее время с восьми до двенадцати часов, прихватив выходные, без компенсации отгулами или зарплатой. Даже отпуска в этом году запретили. И об этом вы смело можете ставить вопрос на любом уровне – вплоть до суда.

– А ты куда?

– А я домой.

Брел и с тоскою думал: нет, в лейтенанты Шмидты я не гожусь – разве только в сыновья. Чувствовал себя отвратительно. Когда с Лялькой расстались, досада была, а теперь – полное опустошение.

Флюра догнала:

– Ты тоже домой?

– С работы прогнали.

– А я отпросилась – у нас девичник в общеаг.

– Народ бастует, а вы пируете.

– Ко мне подруга приехала. Кстати, могу познакомить.

– В каждой женщине помирает сваха?

Флюра серьезно:

– Нельзя так страдать.

А как можно? Закурил и задумался: снова Лялька махнула крылом – что ей не нравится в доме родном? Когда же она перебесится? Наверное, волосы мои к тому времени поседеют, тело станет дряблым, а кожа морщинистой. На руках появятся пигментные пятна – память о бесцельно прожитых пятилетках. Как она сказала: «сегодня тебе меня не будет хватать»? Черта с два! Заглянул Флюре в глаза:

– Если мужчина не в настроении – шерше ля фам?

– А как же иначе!

– Тогда знакомь.

Она сорвала пушистую головку одуванчика.

– Загадай желание.

– Одно?

– Не жадничай!

Я бы уверовал во что угодно, что могло изменить мою жизнь – закрыл глаза и дунул на созревший цветок в ее руке.

– Хочу, чтобы все было по-другому.

– Ты о чем сейчас?

– Хочу, чтобы у меня была другая работа. Хочу, чтобы вернулась жена, а ты стала моей любовницей, хочу.....

– Размечтался! Сбудется только одно – пойдем знакомиться....

Вот так и попал на девичник. Здесь кроме Флюры еще три девицы.

– Которая?

– Угадай!

– Сама подойдет.

Впрочем, за одной вахтерша пришла – друг к ней приехал. Потом девчонки смотрели в окно, как она садилась к нему в авто модели «ВАЗ- 2101» – ахали и вздыхали:

– Юрочка Линник!

Этого токаря-универсала с участка Пушкина я недолюбливал – за машину новую, зарплату месячную в 1000 р., за высокий рост и белые волосы. А пуще всего за надменность прибалта и рыбы глаза латыша, выразительностью соперничавшие с пуговицами от кальсон.

Из бутылки шампанского вылетела пробка и разбила лампочку освещения.

– С тебя кабак! – закричали девчонки.

Вечер опустился на город. Спала жара.

Признак ума – умение окружить себя людьми, которые знают больше тебя. Если я не поглупел вдруг от перипетий сегодняшнего дня, то эти девчонки чему-то должны меня научить. Наверное, не успели – они вдруг стали объектами внимания парней за соседним столиком. Мне это не понравилось.

– Э, приятель, успокойся, – потянул меня в сторону один из них. – Знаешь, кто я?

И стал мне совать в лицо удостоверение старшего лейтенанта милиции.

– Ты по гражданке, пьян вдугу, и я имею полное право дать тебе в рыло, – пока в разговоре отстаивал свои права.

Он не согласился и потянул меня к выходу.

Дело было в «Малахите» – нашем с Таней Васильевой излюбленном ресторане. Так много раз мы здесь с ней бывали, что я практически знал все ходы и выходы, и предложил выяснить отношения в большущей подвальной курительной комнате. Замаскированный старлей не прельстился удобствами – позвал на улице, а на входе сдал меня мусорам в погонах. Те завернули

руки за спину и потащили к «бобику» с мигалками. Так бы и увезли, но прибежали девчонки и стали просить за меня.

А я старлею:

– Ты – слабак! Вот так только можешь, а один на один тонок кишкой.

– Ну-ка, отпустите его! – взыграла в нем кровь.

И мы сцепились, как два бойца боев без правил – драка есть драка. Досталось обоим, когда старлей предложил ничью. Из носа и разбитой губы текла моя кровь. И еще из ссадины на лбу. Черт! Чем же он бил – вроде не падал. Одна из девиц, пришедших со мной, подвела к скамье. Я лег на спину и положил ей голову на колени, пытаясь унять кровотоки из носа.

– Глупость какая-то. Как пацаны! – сказала она.

– Но каков финал – я у тебя в объятиях.

Я в синяках, у меня все болит, тело сотрясает нервная дрожь.

Кровь моя долго унималась. Когда поднялся, упали менты – должно быть, с ними слиняли девчата.

– Поедем ко мне?

– А мне больше некуда – я ведь неместная.

Все стало на свои места – подругу Флюры звали Светлана.

– Из-за меня с ним сцепился?

Она знала, что дальше будет, и жаждала комплиментов.

– Конечно – не хотел уступить. Всех девчонок не отстоять, но ты мне больше других понравилась.

Поймал ее взгляд и подмигнул.

Удивительно, на что способен мужик, когда сильно желает бабу. Готов на все – что хочешь, сделает, скажет, будет кем угодно. До свадьбы и я легко находил контакт с особами противоположного пола. Теперь, думаю, навсегда стерлись воспоминания о том, на что я способен, когда хотел закадрить телку на ночь. Но сегодня не тот случай – хотели меня. Или девушке просто некуда пойти ночевать? Ночь покажет.

Выходя из такси у подъезда общаги, я вдруг качнулся – на мгновение земля побежала сама. Светлана вовремя подхватила.

– Надо в больницу завтра сходить – у тебя, может быть, сотрясение.

– Я вырос в семье, где к врачам обращаются, лишь отрубив ненароком палец.

Вахтерша, молча и осуждающе смотрела нам вслед.

В комнате духота дневная, и я распахнул окно.

– Ты когда-нибудь обращал внимание, что в каждой квартире бывает свой запах? – спросила Света.

– Теперь скажи, что в моей комнате пахнет чем-то ужасным вроде нестиранных носков.

– Нет, у тебя пахнет чистотой и солнечным светом.

– А мною здесь пахнет?

– Тобой да – не пахнет женщиной.

Вернувшись из душа, обнаружил на своем диване голую ногу с ярко-красными ногтями. Не сразу догадался – чья же она. Впрочем, не меньше минуты вспоминал и имя красотки. Потом все стало на свои места – память вернулась. Надо что-то говорить, а у меня будто язык отсох – чувствую привкус зубной пасты и стыда. Ведь это первая измена моя.

Да, скажу вам, странное чувство появляется, когда возвращаешься в комнату, в которой жил, ел и спал с одной женщиной, а теперь на диване лежит другая. И себя начинаешь ощущать совсем другим человеком. Но самое удивительное во всем этом – Земля не перестала вращаться, и часы, подаренные нам друзьями на свадьбу, показывали половину первого ночи.

Впрочем, Света спит или делает вид – уже легче. Меньше всего мне хотелось сейчас занимать ее разговорами. Или сексом.

Я на цыпочках хожу по комнате – раздеваюсь, вешаю вещи и ложусь рядом.

Заснуть, проснуться и сделать вид, что все в порядке вещей. А что еще делать, если рядом женщина, которую почти не знаю и к которой ничего не испытываю – искусственно возбуждаться, чтобы не осрамиться, как мужчина?

«Старик, возьми себя в руки, – молча велю сам себе. – Ты уже проходил через это и не хочется возвращаться. У тебя есть жена – помни об этом».

И все могло бы закончиться целомудренно, если бы среди ночи в открытое окно нас не атаковала мошкара.

Я проснулся от движения Светы.

– Что случилось?

– У тебя есть клопы?

– С чего ты взяла?

– Я чешусь вся...

Теперь и я почувствовал зуд. Взглянул на распахнутое окно.

– Наверное, комары.

Встал, закрыл окно и включил свет. Комары, конечно, были и мотыльки, облепившие плафон, но и самый страшный враг человека гнус – невидимая неслышимая мошкара, кусачая до волдырей, до кровавой чесотки.

– У тебя одеколон есть?

Подарка Лялькиного хватило ей на одну руку.

Пошарил, где можно найти что-нибудь дезинфицирующее.

– Давай я тебя детским кремом намажу.

Втер запах ромашки в кожу спины, ягодиц (стянув трусики), бедер, лодыжек.

– Повернись, – говорю, – на спину.

Она, поворачиваясь, обняла меня и поцеловала. А я ответил. И скажу, что никогда еще не чувствовал себя таким потерянным после поцелуя – будто остатки воли из меня высосали ее губы. А потом пространство между нами взрывается. Сердце мое замирает, руки не могут прижать ее ближе. Я ощущаю ее вкус и понимаю, как изголодался. Но темп задает она – скачет на мне в бешеной скачке, а я удерживаю ее ниже талии, и мы сходимся на золотой середине.

Я и раньше занимался сексом, но так неистово никогда.

Я и раньше целовался с партнершами, но никогда поцелуй не добавлял мне мужских сил.

Возможно, это длилось всего минуту, а, может быть, целый час. Пофигу мошкара!

Когда я кончил и отдышался, Света спросила:

– А дальше что?

Ее губы исследуют мое тело.

Я думал, что наше знакомство тем и закончится. А как по-другому?

– В чем дело? – шепчу я, представляя самое худшее: ведь мы не предохранялись.

– Я не хочу с тобой расставаться.

Ее ладони гладят мой живот – пальчиком пишет на нем каббалистические знаки.

Я чувствую возвращение желания. И снова в бой! Другими словами – мы хомо сапиенс, пока не сойдемся один на один вот в такой ситуации. А там кто кого: секс – это бой без правил.

Начинаю подумывать – где у нее выключатель?

Позже лежим обнявшись. Сквозь детский крем чувствую запах ее волос, кожи, пота – мне приятна такая мысль: простыни сохраняют ее аромат. Я не сомневаюсь, что мы сегодня расстанемся и надолго. А когда-нибудь встретимся, и все повторится. Это было бы здорово! И, тем не менее, у меня не хватает решимости предложить Светлане такой вариант отношений. Чего же хочет она?

Как хорошо рядом лежать, но – черт побери! – утро торопит расставить все точки.

Света поднимает голову, глядит на часы на столе.

- Скоро автобус мой – он ходит раз в сутки.
- И куда ты поедешь?
- Спроси, куда бы я не поехала!
- А где ты живешь?
- В Усть-Катаве. Едем со мной.

А что есть резон – будет работа у меня по специальности, жена неистовая в постели, детей заведем....

- Наверное, сомнения на лице – Света внимательно их разглядывает.
- Нет, не поедешь! – вздыхает она и откидывается на подушку.
- Мне хода нет со «Станкомаша» еще два года: ведь я – молодой специалист.
- Это как в армии отслужить? А мне ждать...

После этих слов гостя моя замыкается. Уже нет той девчонки, готовой с радостью говорить о любви и заниматься сексом. Вместо нее рядом лежит достаточно взрослая девица с поджатыми губами, злыми глазами и в кровь расчесанными руками. Наверное, она ждет предложения: «Переезжай лучше ты в Челябинск». А я:

- Что хочешь на завтрак?
- В ответ непробиваемая стена молчания.
- Пойдем в кафе?
- Света игнорирует вопрос – закрывает глаза.
- Что же тебе не хватает – ведь все у нас хорошо?
- Теперь умолкаю я. Света завладела инициативой.

- Ладно, встаем – пора одеваться.
- Глаза ее полны слез. Она косится на меня и вытирает их украдкой.
- О чем ты думаешь? – я с тревогой.
- О лжи.
- Серьезно? О какой лжи?
- Света прищуривает глаза.
- Ты врешь, что живешь: ты – покойник.
- Не понял.

– Флюрка про тебя говорила: целыми днями лежишь на диване и о жене сбежавшей страдаешь, а по цеху как зомби ходишь....

Я дал ей возможность выговориться, потом погоревать.

Покормил в кафе на вокзале, купил билет, посадил в автобус.

Я не из тех, кто публично выражает свои чувства: никогда не стану целоваться на людях – мы просто смотрим в глаза и прощаемся.

- Мы могли бы быть счастливы, – говорит она.
- Послушай, ты все принимаешь близко к сердцу и слишком торопишься сделать вывод. Давай назначим новую встречу и там увидим, что получится. Дай телефон, я тебе позвоню.

А ты пиши – Флюра даст адрес.

- Света грустно улыбается:
- В отпуск приезжай.
- В этом году отпуска зарубили.
- Снова врешь?
- Спроси у Флюры.
- Я люблю тебя, мастер, – шепчет она.
- Это проходит.

Автобус отходит. Мы машем друг другу.

Вернулся домой, прибрался, и спать. Приснилась мне Лялька – рядом лежит. Я ласкаю ее и целую. Потом вижу руку свою на ее прекрасной обнаженной груди. Рука эта не моя – крупная,

грязная, со сбитыми ногтями и наколкой на запястье «не забуду мать родную». Вздрагиваю. «Что случилось?» – спрашивает жена. «Что-то не так», – отвечаю. Она хватается незнакомую руку и крепко-крепко прижимает к себе. «Все так».

Когда просыпаюсь, к моему удивлению, в комнате вижу курсанта Эдика.

– Было открыто, и я постучал. Кто тебя так?

Будем считать, что он извинился.

– С дивана упал. Долг принес?

– Погоди еще. Ты когда на работу пойдешь?

– Когда пригласят.

– Керосинчику принеси бутылек.

– Зачем?

Он недоуменно смотрит на меня, будто пытаюсь понять смысл вопроса.

– Как зачем? А...! Помнишь, Верку? Наградила, бл..дь, мандавошками.

Я и бровью не повел: как будто все абсолютно естественно – где проститутка, там мандавошки. Потом память преподносит сюрприз – в тот день сосед надевал мое трико. И от этой мысли внутри все переворачивается. Тут же возникает желание обо что-нибудь почесать кулаки. Лицо курсанта от мусарни – соблазнительная мишень.

– Ты трико мое брал – постирал, возвращая?

На его недоумение взрываюсь:

– Пропадите вы пропадом, мусора с проститутками! Пошел вон и трико прихвати.

Сосед исчезает, прихватив мой подарок. А я напрягаю память – надевал ли его после того случая? Выходило, что надевал – когда в душ ходил, а потом со Светкой спал.... О, черт! Фантастическое невезение.

По дороге на завод греет одна только мысль – я не чувствую на себе насекомых. Однако керосиновой дезинфекции не избежать – хотя бы для профилактики.

Пойти мне некуда кроме как в цех. Работает он в прежнем ритме, но на участке сборки много новых лиц. Нашел Борю Пушкина и со своей проблемой к нему. Точнее – попросил бутылек керосина. Взгляд его понимающий выражает осуждение развратного образа жизни, который, по его мнению, я веду. Впору рассмеяться, если бы не хотелось ругаться.

Борису достать керосин не проблема – у него жена работает в нашем цехе кладовщицей лакокрасочных материалов. Вручив бутылек, он добровольно и со знанием дела инструктирует о способах применения народного средства против лобковых вшей – будто это обряд изгнания нечистой силы или что-то вроде того. У меня от его наставлений начинается зуд в причинном месте. Думаю, Пушкин не преминет раструбить по цеху о цели моего визита и постигшем конфузе. Но через все это надо пройти.

Впрочем, буду ли я еще здесь работать – вопрос.

И к благодетелю:

– Смотрю – перемены. Тебе не предлагали участок завершения?

Борис потирает шею. Эта тема ему интересней.

– Но тебя я уже не возьму....

В одно мгновение у меня в голове появились сотни злых слов в ответ, но говорю я вполне прилично:

– Знаешь что? Если я был вольнонаемный, прямо сейчас бы сказал тебе: «Да пошел ты нах..!», но, увы, диплом надо отработать.

Пушкин улыбается на мои слова и продолжает:

– Вы, инженера, все дипломами гордитесь и мечтаете об уютных креслах начальников, а в реальном производстве концы с концами не сводите. И с пролетариатом не умеете ладить.

Все ясно – я здесь затычка в футбольном мяче.

– Спасибо за керосин, – разворачиваюсь на каблуках и покидаю цех.

О профилактике фтириазы я, пожалуй, что опущу – ничего в том нет привлекательного, познавательного.... И вообще – не дай Бог никому!

Я уже лег на диван и глаза закрыл – в дверь постучали.

Не дай Бог Лялька! – екнуло сердце – А у меня ароматы в комнате как в москательной лавке.

Это был Эдик с бутылкой в руке.

– Попрощаться пришел – уезжаю. Слушай, денег нет, долг вернуть – возьми вот....

Хлопнул бутылку коньяка на стол.

– Что так скоренько?

– По-черному залетел – представляешь! Еду в троллейбусе да по форме. Водитель вдруг объявляет: «Товарищ милиционер, вмешайтесь, пожалуйста». А там баба пьяная с пассажирами лаеся. Ну, за шкварник ее, машу – открывай, мол. Смотрю портфельчик при ней – и сам вышел. Доволок до кустов – в торец дал, портфель конфисковал. Дома открываю – шайтан мне не брат! – с бутылкой коньяка удостоверение майора милиции. Вот тебе баба скандальная! Дяде звоню, во все признаюсь, а он: «Жопу в горсть и чтоб через час духу твоего в Челябинске не было». Домой поеду. Я как дембельнулся в мае маму еще не видел....

Мусор есть мусор! Рассказал, я услышал – что еще надо? На посошок? Всю бы распил, но не с тобой. Топай отсюда, не тряс мандавошками – вези их подарком седому Эльбрусу. Злость к соседу пузырилась в душе, как волдыри языка.

Но вслух сказал:

– Конечно, если майор, то мигом найдут....

Эдик испуганно оглянулся на дверь.

– Верка появится, что передать?

– Убью суку!

– А говорил – «расстаться не можем».

О керосине напрочь забыл – а в комнате запах его витает.

Станный парень – внешне красивый, а внутри циничный и все видит в черном свете. Я даже начал подумывать, что, такие как он, уравнивают на земле, таких как я. Если бы не последние события – тут мы как бы с ним уравнились, и греха стало больше.

2

Очаровательное утро! Первые пять секунд после пробуждения оно кажется блестящим и хрустящим, как новенький рубль – непомятым, надежд исполненным. А потом вспоминаю – меня вызвали в совет молодых специалистов. Песочить будут – такой-сякой, пошто завод не любишь? А за что его любить?

Нет, спорить не буду – все молча снесу. Как вспомню песочных дел мастера....

– Что, скажи на милость, это было в вашем цехе? – обвиняющим тоном спрашивает освобожденный председатель СМС завода замечательная девушка Лиза Чайка.

В самом деле, не знаю, что ответить – и сам до сих пор не осмыслил все.

– Тебя били?

На лице моем следы драки со старлеем милиции.

– Да, но не там и не поэтому поводу. Заступился за девушек в «Малахите»....

– На заводе мы тебя, конечно, в обиду никому не дадим, а в ресторанах справляйся сам. Я опускаю голову, чтобы она не увидела моих восторженных глаз – чудо в юбке!

– Перестань думать, что ты одинок.

– Откуда ты знаешь, о чем я думаю?

– Читаю в глазах, которые ты усердно прячешь.

Поднимаю на нее взгляд.

– Давай рассказывай, почему тебя называют зачинщиком беспорядков? Как это у тебя получилось?

– Жизнь идет, и мы учимся понемногу, – с иронией отвечаю, а потом делюсь опытом организации смут в трудовом коллективе.

Одна из неприятнейших издержек советского общества – это моменты, когда в твою личную жизнь вмешиваются извне и вытаскивают на свет божий то, что человек предпочел бы сохранить в тайне. Возможно, он стыдится. Возможно, считает, что это никого не касается.

Разумеется, Лиза знает и о том, что не все в порядке у меня на семейном фронте, но подходит к вопросу настолько оригинально, что я, даже не успев обидеться, ввязываюсь в полемику.

– Разве можно перестать любить человека за то, что он оказался не тем, кем ты его хотел видеть?

– Неприятности с мужем?

Она знает обо мне все, а я ничего не знаю о ней, и вопрос срывается с моих губ скорее как выпад на ее желание покопаться в моем белье – а вы-то свое давно стирали? Меня не устраивают отношения врача и пациента: либо мы друзья – и тогда все начистоту, либо – к ядреней фене!

Но Лиза в необычной для нее манере возражает:

– Нет, это про тебя говорят, что ты выгнал жену.

Мало того, что я ничего не знаю о Чайке, я еще и плохо ее знаю. Думал – веселая красивая умная девушка, а она, похоже, на руководящей работе нарастила целый хребет собственного достоинства.

– Это не упрек. Просто.... Знаешь... – она смотрит мне прямо в глаза. – Ты пойми, я не хочу тебя обидеть.

– Да? Просто задела ненароком? Я понял.

– Я знаю, каково тебе.

Я поражаюсь ее словам.

– Откуда тебе-то знать? Ты жената была?

– Нет, Анатолий, я даже замужем не была, но расспрашивала о тебе, и мне посоветовали съездить в вашу студенческую общагу.

Не иначе, как Понька – он ведь тоже работает на ЗСО и уже замначальника цеха.

– Чтобы там ни утверждали злые языки, я теперь знаю, кто ты на самом деле.

Эту новость воспринимаю без возражений – не могу выдавить даже улыбки.

– И наша с тобой задача – сделать правильный выбор, чтобы ты не потерялся на нашем заводе.

– Мой жизненный принцип – пусть будет, что будет.

– Почему-то сейчас я тебе не верю.

Теперь у Лизы холодный взгляд.

– Следи за моей мыслью. Сейчас ты возьмешь это направление, нашу рекомендацию, свой диплом и прочие документы по списку.... Там указано. И поедешь в Дом Политпросвещения при Обкоме партии. Мы направляем тебя на учебу.

– А как же работа?

– Работать придется. А там, поедешь, выберешь форму обучения – вечернюю, заочную.... Есть факультет выходного дня. Для вышеобразованных, как ты, обучение два года – и получишь второй диплом. Станешь пропагандистом-агитатором, и будем мы тебя двигать по общественной линии. Ну, как? Годится? Таким людям как ты, нелюбящим подстраиваться под окружающих, просто необходимо расширять свой кругозор и эрудицию. Согласен?

– Звучит достаточно противно. А впрочем, пусть будет, что будет.

А давно ли я стал фаталистом?

В восемнадцать лет поступил в институт, в девятнадцать вылетел, но не расстроился, а пошел служить Отечеству. Отслужил нормально – собрал все мыслимые награды и отметился в Книге Почета части. Опять институт и новый успех – мой портрет на главной доске почета. Теперь завод – и что-то не так.

А что не так и почему?

И во флоте и в институте все начиналось с большими трудностями, но я выстоял, перетерпел и добился успеха. На заводе вдруг не заладилось. Ведь я так и думал, когда поступал, что ежедневно, непрерывно и терпеливо, шаг за шагом, ступень за ступенью буду двигаться по всем направлениям – административной, профсоюзной, партийной. Как дерево – вверх, вниз и немного в стороны.

Выходит – там не хотел, а получилось, здесь хочу, и невпротык.

Наверное, что-то изменилось во мне.... Раньше я не думал о деньгах – мелко, скучно. Мечтал повернуть ход мировой истории – внедрить коммунизм на всей планете, освоить космос для человечества. Потом женился, и пропали мечты, а появилось нестерпимое желание сделать карьеру, чтобы жене было счастье со мной.

Вывод – жены делают нас честолюбивыми и... несчастными.

Два слова о деньгах.

Я, непьющий и молодой, физически крепкий, мог стать бы к станку и зарабатывать в месяц 1000 р., как тот латыш с пуговицами от кальсон вместо глаз. Но кто же мне даст: получил диплом – будь добр вкальвать инженером минимум три года, гласит закон. Вовку нашего Булдашева, как лучшего студента выпуска, оставили на кафедре младшим научным сотрудником, а платят 70 р. Он, как услышал про мои 150, лицом потемнел.

Теперь о бунте, который с Чайкой обсуждали.

День всего бастовали, а каковы последствия.... Бригады расформировали, переформировали – бригадиров нагнали, новых избрали. Из цеха вон попросили Чугунова, Шабурова и меня. Не знаю, где теперь те, а я в другом цехе сменным мастером механического участка.

Нас всего двое здесь ИТР – старший мастер и я. Кстати, он тоже окончил ДПА и всегда ходит в первую смену, ну а я, стало быть, во вторую. Делали мы полусборку 322-го заказа –

токарные, фрезерные и сварочные операции на полуавтоматах. Никакой штурмовщины – ритм расслабленный и спокойный. В ночную смену мою вообще никто не хотел работать – пили, спали, резались в карты на деньги в закутке за автоклавами термической обработки. В прежнем цехе за порядком следили бригадиры, а здесь коллектив станочников-сдельщиков – каждый сам себе бригадир.

В первую нашу встречу мою производственную задачу старший мастер сформулировал просто:

– Смотри за безопасностью на рабочих местах. Пьяных не допускай – выключай станок и отправляй.

Угрюмым кроманьонцем хожу по участку. Попытки заставить мужиков подняться к станкам приводят к злобной ругани и угрозам – я их премии грозился лишить, они меня здоровья или жизни. Мои обращения к старшему мастеру встречались усмешками – учишься, мол, ладить с людьми. Смены менялись через неделю, но не с одной не поладил. А когда увидел «хлюзда, отхаренного в туза», теперь уже сварщиком на полуавтомате, то и попытки оставил. Но не мог успокоиться.

Мне говорили, что я похудел – спал с лица и стал сутулиться.

Много думал. С трудящимися участка почти не общался: никто из отлынивающих от работы не показался мне достойным внимания – ни особенно умным или коварным, ни ловким, ни кровожадным. За годы своей диктатуры пролетариат явно выродился – в большинстве теперь это худосочные угловатые люди. Не людишки, а дрянь – трепло и трусло! Они появлялись на рабочих местах плохо одетые, раздраженные, часто откровенно злые, с перекошенными помятыми лицами, мучимые жаждой похмельной – несчастные граждане счастливой страны, строящей коммунизм.

Адаптироваться в этой среде не хотелось. При этом, если окружающие меня отравлены безысходностью, то сам я вдобавок отравлен отвращением к ним.

Каждому следовало бы бояться одного только человека – себя самого. Но предвкушение опасности извне – хорошее состояние. По крайней мере, когда я окончательно решил, что однажды меня пришьют работяги, то почувствовал себя помолодевшим. Повеселел – смерть в молодости не лишена преимуществ. Сначала изображал бодрого, потом вошел в роль и действительно сделался бодрым. Даже прикалываться начал над пролетариями – чего себе раньше не позволял.

Мне с детства внушали отвращение к насилию, но жизнь научила, что насилие может быть оправдано, когда ты в опасности. А вот думать о насильственной смерти было захватывающе. Я возненавидел будущего своего убийцу всем естеством. Вглядывался в лица номинально подчиненных мне людей и думал, что этот смрадный упырь ходит со мной в одну раздевалку и душевую, дышит одним со мной производственным воздухом. Каким способом он попытается прикончить меня? А может, я, изловчившись, раньше успею всадить ему финку. Но ножа с собой не носил.

Иногда вид неработающих станков, как свидетельство моей недееспособности, приводил в бешенство – самообладание покидало, и я бродил по участку, излучая в пространство лютую ненависть. Перед глазами сами собой возникали картины, одна другой красочней: вот я бью кому-то в глаза растопыренными пальцами, и его удивленные яблоки выскакивают мне на ладонь; вот удар ребром ладони в кадык, и он захлебывается кровью; вот, схватив за шевелюру, я толкаю его физиономию под бешено вращающуюся фрезу.

Стал размышлять о труде и порядке, потому что пытлив и дотошен.

Как заставить людей работать, если они не хотят, а у меня нет никаких рычагов воздействия? Хоть на ушах стой – а никак! А все почему? Да потому, наверное, что так уж муторно устроен человек. Или вот говорят – система? А что система? При Сталине работали, а система та же была. Пристрелить одного-двух? Фашисты были молодцы – арбайтен или пуля в лоб!

И толковая мысль – лоботрясов в печь, чтобы улучшить породу человеческую. Кто сказал, что евгеника – лженаука?

Вот такая картина участка, на который меня сослали.

Именно там и тогда обстоятельно стал размышлять – есть ли Бог?

И знаете что? Похоже, что все-таки – да!

Господу, видимо, нравится испытывать всех на прочность – ну и я не исключение.

Уж такая у меня натура с ужасным характером и самомнением, но это не мешает мне иметь или пытаться иметь по любому вопросу собственное суждение. И плевать, если оно кому-то не приходится по вкусу – я ведь не лезу с наставлениями: мне б только понять и объяснить себе, что же происходит вокруг. Вот и все.

Оставался загадкой вопрос – зачем нужен технический контролер в ночную смену?

Даже я, угнетенный мыслью о неспособности навести на участке должный порядок, удивлялся ее отказу уйти домой ввиду отсутствия продукции, готовой к сдаче:

– Как ты не боишься? Они же тебя того....

Другое дело, что татарочка Роза была некрасива, и это «того» было то, что она возможно хотела.

Закончилось лето и в сентябре последовали перемены – не на участке, а в субботные дни. С подачи Чайки я поступил в университет марксизма-ленинизма в Доме Политпросвещения Челябинского обкома партии на факультет выходного дня по профилю журналистики. Все-таки журналистика!

На сетования Лизы:

– Пропагандист-агитатор – амшлуа руководителя, а ты....

Отвечал:

– Я терпеть ненавижу знамена и митинги – буду писать репортажи в газеты о трудовых буднях нашего коллектива.

– Молодец!

На том примирились.

По субботам слушал лекции в ДПП, штудировал статьи Аграновского, пробовал свои силы пером. В воскресенье к сыну в Розу или в Увелку к родителям, с понедельника по пятницу на завод – и всегда во вторую смену. Такова была новая синусоида жизни – жить, в сущности, можно, хотя и довольно скучно.

Впрочем, иногда случались ЧП.

Вот если бы сын мой был взрослым и пришел со срочной службы домой, я ни за что не пошел на завод да еще в сырой дождливый осенний день. А Боря Брагин пьяный приперся и начал форсить:

– Мастер, день такой: сын из армии вернулся – работать не буду, пошел я домой.

Я только что собрался погрузиться в скверное настроение и совсем не хотел, чтобы мне мешали. А он прицепился, как к заду репей – нудит и зудит. Хотел, было, по привычке сказать что-нибудь неприятное специально для пьяного пролетария, но почему-то подходящие слова на ум не спешили.

– Ерунду говоришь – мог бы не приходиться в таком состоянии.

Мы переругивались сначала беззлобно, почти как товарищи. Он требовал, чтобы я провел его через проходную. А я посылал его нах....

– Пойми: сейчас некогда – завтра приходи, когда меня здесь не будет.

Женька Перфильев в гости пришел – у него тоже ночная смена. Слушал нас, слушал.

А мы уже до басов:

– Ты мастер, ты должен, твою мать!

– Я мастер: как сказал, так и будет!

Женька поднялся и говорит:

– Пойдем, мужик, я тебя проведу.

Ушли. Минут десять спустя увидел я Брагина на куче металлической стружки.

Помог встать – Боря скулил: проткнув рубашку, в спине торчали стальные «спиральки». Вызвал сестричку заводского медпункта – она обработала пострадавшему раны и увезла на дежурной машине.

Через два дня вызывает меня начальник цеха:

– Что же ты руки-то распускаешь?

И подает докладную Бори Брагина о зверском его избиении сменным мастером.

– Считаешь, у тебя право есть?

– Нет у меня, – бормочу в растерянности, – никаких прав...

– Есть, – возразил начальник, нехорошо улыбаясь. – Ты же на китайской границе служил, под пулями бегал; рабочих на бунт подбил – ты народный герой и молодой специалист: тебе все дозволено!

Я почувствовал озноб, предвестник вспышки гнева, и подождал несколько мгновений, чтобы понять, насколько сильна волна злости – понял, что весьма сильна, и улыбнулся. Слишком сильно в голове зазвенело после очередной оплеухи судьбы – что делать? Напроситься на новую!

– Да, на границе служил, но от пуль я не бегал. Никого на бунт не подстрекал и Брагина не трогал. Что еще?

– А докладная?

– А мой вам ответ?

– Лично мне твой ответ нах.. не нужен...

– Как знаете.

– ...пусть с тобой товарищи по партии разбираются.

Жизнь меня научила: никому никогда ничего нельзя доказать словами – только поступками. Может, поэтому не пошел в пропагандисты-агитаторы, как Чайка хотела.

Я так и сказал на цеховом партсобрании:

– Извиняться не буду – не перед кем и не за что.

Конечно, мне не поверили и поставили на вид.

Пытался поднять вопрос о нетрудовых традициях на участке, но меня мигом заткнули – мол, это не повод бить рабочих по рылу. А я радостно сообразил – раз им до фени, то и мне наплевать, то есть по фигу, то есть совсем безразлично. Впредь бездействие моей смены не напрягало – я завязал вмешиваться в производство. Крики, нервы, угрозы, жалобы, ожидание расправы – все позади. Впереди – светлое будущее всего человечества. Только кто бы построил...

Правильно поэт сказал – времена не выбирают, в них живут и умирают.

С юных лет я был глубоко убежден в собственной одаренности и порядочности – всегда был готов взваливать на себя ответственность, ничего не боялся и быстро соображал. Думал, что общество само должно призывать талантливых и энергичных людей туда, где они наиболее эффективны. Когда мне было шестнадцать, семнадцать, восемнадцать я ждал, что меня позовут – поручат самое сложное и трудное дело. Наконец в девятнадцать послали в пограничный флот – разве ударил в грязь лицом? В институте был не последним. Что же завод?

Бардак для уродов! При всем желании мне трудно подобрать другое слово. Я бы предпочел вкалывать у станка – за хорошие деньги и до полной усталости с обоюдной пользой производству и мне. Но меня никто не спрашивает: дали оклад, определили участок – проходи курс молодого бойца. Даже старший мастер ни слова по поводу бездействия ночной смены. Лишь однажды обмолвился о картежниках, имея в виду рабочее время:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.